

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИКЕ

Моргунов Е.В., к.э.н., ГУУ

// Вестник ГУУ (Серия «Институциональная экономика»). – 2005. - №5. - С.72-80.

В наши дни большое распространение в русле современной экономической мысли получила следующая точка зрения: «Ошибки государства всегда хуже ошибок рынка». Отсюда следует, что лучше «переборщить» с дерегулированием, чем допустить чрезмерное распространение государственных интервенций с их неизбежными последствиями в виде бюрократических извращений. Как свидетельствует история мировой экономической мысли тот или иной способ взаимоотношений индивидуума и государства очень часто становился объектом острой идеологической борьбы.

Это можно проследить на примере учений А.Смита, К.Маркса, Дж.М.Кейнса, когда их исследования и итоговые соображения вызывали острую полемику между представителями различных школ экономистов. Как правило, эта полемика резко обострялась в переломные исторические эпохи, когда зарождающееся «новое» требовало для самоутверждения массовой поддержки.

До середины XVIII века, в эпоху господства феодальных отношений в Европе, доминировала идея «просвещенного» абсолютизма или «отеческой» монархии. Тогда все права хозяйственной деятельности страны были сосредоточены у государства. Политическая экономия того времени в основном занималась проблемами увеличения могущества и обогащения государя. Отсюда почти трехвековое (XVI-XVIII) господство учения меркантилизма. Рост мануфактурного производства и активизация экономических методов накопления не исключали административного воздействия со стороны государства, но характер этого воздействия менялся. В соответствии с концепцией торгового баланса проводилась экономическая политика протекционизма в интересах собственных мануфактуристов и купцов.

По мере разрушения цеховой организации хозяйственной жизни в тогдашней Европе и развития международной торговли в конце XVII начале XVIII века европейские правительства брали под опеку промышленную и торговую деятельность подданных, при этом жестко регулировали доходы работников и цены на предметы первой необходимости. Внешняя торговля была искусственно монополизирована, она находилась в руках нескольких компаний, пользовавшихся громадными государственными привилегиями.

Против всего этого и выступил А.Смит (1723-1790) со своей «системой естественной свободы». Благодаря нему экономическая мысль легитимировала индивидуальный интерес как фундаментальную основу указанной системы. Тем самым был создан предмет последующего теоретического противоборства по поводу взаимодействия индивидуума и государства. В теоретической модели А.Смита государство и индивидуум еще не противопоставляются друг другу, вся его «система естественной свободы» пронизана верой в предустановленность гармонии между личным и общественным интересом.

Научная позиция А.Смита, как представителя классической политэкономии, состоит в следующем: «В соответствии с системой естественной свободы государь должен уделять внимание только трем обязанностям: ... во-первых, обязанность защищать общество от насилия и вторжения со стороны других независимых обществ; во-вторых, обязанность предохранять, насколько это возможно, каждого члена общества от несправедливости или угнетения со стороны любого другого члена этого же общества, или обязанность установить точное отправление правосудия; и, в-третьих, обязанность создать и поддерживать определенные государственные работы и государственные учреждения, создание и поддержание которых выходит за рамки интересов любого индивидуума или небольшого числа индивидуумов, потому что прибыль никогда не возместила бы расходы любому индивидууму или небольшому числу индивидуумов, хотя часто для государственных интересов такая прибыль может сделать более чем возмещение понесенных расходов». (Смит А., 1962)

Излагаемые А.Смитом три «целесообразных обязанностей» государства по отношению к своим гражданам не обозначают масштабов и границ вмешательства государства в интересы индивидуумов. Основное его внимание было сосредоточено на систематизации общих представлений о полномочиях и задачах государственной власти в динамично развивающейся экономике, и стремление более точно выразить существо этих новых представлений.

Критерии и принципы распределения обязанностей между государством и частной инициативой, масштабы и границы государственного участия в экономической жизни общества продолжают быть предметом острой полемики между разными идеологическими школами в XIX-XX веках.

Значительный прорыв в этом направлении сделан Дж.М.Кейнсом (1883-1946). Именно ему XX век обязан теоретическим обоснованием расширения экономических прерогатив государства при сохранении частной инициативы. Общее между А.Смитом и Дж.М.Кейнсом то, что оба теоретика в разные эпохи пытались обосновать пути устойчи-

вого роста Англии, хотя и с разными подходами. Смит создавал теорию рынка, Кейнс же намеревался улучшить функционирование начавшей давать серьезные сбои рыночной системы. К тому же Кейнсу пришлось сталкиваться с оппонентами не только из лагеря классической экономики, но и марксистской политэкономии.

До Кейнса экономисты рассматривали рынок в качестве системы, находящейся в изначальном равновесии и «здоровье», из которых ее может выбить только неразумное, необоснованное и противоестественное вмешательство. В таком случае, рассуждали они, надо только вернуть свободу «невидимой руке рынка», снять с него путы всякого вмешательства. Кейнс же видит корень зла и бед капиталистической экономики как раз в том, что действуют определенные внутренние силы, выбивающие ее из проторенной колеи. В своем труде «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) он пишет: «В обществе, которое функционирует по постулатам классической теории, действительно была бы налицо естественная тенденция к оптимальному использованию ресурсов. Весьма возможно, что классическая теория представляет собой картину того, как мы хотели бы, чтобы общество функционировало. Но верить, что оно так и функционирует, значило бы игнорировать действительные проблемы». Кейнс поднимает вопрос о необходимости государственного вмешательства в экономику в целях исправления ее недостатков.

К ним, в частности, относились неспособность общества, в котором жил Кейнс, обеспечить полную занятость и предотвратить произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов. Очевидно, что определенный уровень занятости влияет на соотношение и уровень доходов, хотя в свою очередь сам зависит от них. Чтобы решить эту дилемму следовало каким-то образом задействовать механизмы систематических государственных интервенций. Кейнс как раз и обнаружил конкретную точку их приложения в массе экономических показателей, точно оценив их причинно-следственные связи.

Схематично его логические построения выглядят так: растет занятость - увеличиваются доходы населения – растет потребление. Но чем больше доходы, тем большая их часть идет в сбережения, что, естественно, ограничивает спрос. Чтобы компенсировать эти потенциальные потери личного спроса следует увеличивать инвестиционный спрос. Однако если рентабельность инвестиций и норма приносимой ими прибыли снижается до уровня банковского процента, рост капиталовложений прекращается.

Поэтому чрезмерно высокая норма процента вредна и точно также вредны сбережения, не превратившиеся в инвестиции. В своей экономической программе Кейнс выдвигает тезис, что «государство должно оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению, частично путем системы налогов, частично фиксированием нормы

процента и другими способами» (Дж.М.Кейнс, 1978). При этом фундаментальные классические постулаты рыночной организации экономики, а именно, личная выгода и конкуренция, как и благотворность «невидимой руки» им нигде не оспариваются.

Таким образом, между Дж.М.Кейнсом и А.Смитом нет противоречий. У обоих теоретиков не найти какого-либо антагонистического противопоставления индивидуума и государства, они не исключают, а дополняют друг друга. Просто у Кейнса сфера государственного вмешательства значительно расширилась. Однако государство продолжает оставаться некой внешней силой по отношению к рыночному пространству, на котором взаимодействуют индивидуальные интересы, хотя уже многое указывало на целесообразность его включения в состав полноценных рыночных субъектов.

В 30-40-е годы XX века мировая экономическая мысль, наряду и почти одновременно с кейнсианством, предложила иной ответ на кризис традиционного либерализма. В ряде стран Европы, и особенно в Германии, стали формироваться очаги так называемого неолиберализма.

В отличие от кейнсианства неолибералы делали акцент на необходимость постоянной государственной поддержки конкурентной среды в экономике. Неолибералы любое непосредственное вмешательство в функционирование рыночного механизма считали недопустимым, по их мнению, оно не только не улучшает, а наоборот, только ухудшает дело. Рыночный механизм, утверждают они, сам по себе настолько идеален, что, кроме некоторых специфических случаев, не требует никаких корректировок.

Тем не менее, поддержание условий для бесперебойности такого механизма они отдают исключительно заботам государства. Таким образом, принципиальное отличие неолиберализма от классического либерализма состоит в том, что классики утверждали приоритет неограниченной свободной конкуренции вопреки государству, а неолибералы считают, что этот приоритет осуществим только благодаря государству.

Будучи безоговорочными сторонниками свободной рыночной конкуренции, ордолибералы рассматривают ее не как естественный процесс, но как институт, который, прежде всего, должен быть введен государством и им поддерживаться. Идеал ордолиберализма может быть сведен к следующему: государство создает правила, в рамках которых субъекты рынка свободно взаимодействуют друг с другом, оно не вмешивается, а следит только за соблюдением правил и прибегает к соответствующим наказаниям, если эти правила нарушаются.

Полностью совпадает с доктриной ордолиберализма концепция социального рыночного хозяйства. Главный теоретик концепции социального рыночного хозяйства

А.Мюллер-Армак видел его роль в том, чтобы соединить «свободную инициативу с социальным прогрессом» в условиях экономики, основанной на конкуренции.

Отличие теории социального рыночного хозяйства от традиционного ордолиберализма можно увидеть только в следующем: во-первых, в эклектичном мировоззрении, например, в его германском варианте мирно уживаются неолиберальные представления, социальный католицизм и протестантская этика; во-вторых, в концепции социального рыночного хозяйствования государственное регулирование приобретает еще большее значение, чем у ордолибералов. Различие двух концепций носит количественный характер, так как предмет спора фактически сводится к размерам желаемого минимума государственного участия в экономической деятельности.

Концепция социального рыночного хозяйствования на практике была начата и реализована Л.Эрхардом с середины 1948 года в ФРГ. Он провел денежную реформу и либерализацию цен в комбинации с жестким антимонопольным регулированием и рестриктивной денежно-кредитной политикой. Этими мерами была заложена основа для быстрого экономического роста (среднегодовой прирост ВВП в 1948-1968 годы – 12%), который стал известен во всем мире как «немецкое экономическое чудо».

Л.Эрхард сумел преодолеть сопротивление не только местных социалистически ориентированных экономистов, но и американских «наблюдателей» и осуществить полноценную экономическую реформу. Государство в эрхардовскую эру правления целенаправленно и активно вмешивалось в экономику, однако направление, характер и способы этого вмешательства были четко ориентированы на формирование свободной либеральной рыночной экономики. Однако в последние десятилетия наблюдается тенденция неуклонного нарастания критики экономической политики стран ЕС и, в частности, Германии с тех позиций, что германское хозяйство становится все менее рыночным и все более социальным.

В наши дни доминирует трактовка ордолиберализма и концепции социального рыночного хозяйства, заключающаяся в том, что рыночное хозяйство не нуждается ни в каких дополнительных определениях, включая «социальное». В результате сегодняшнее кредо подавляющей части академической среды Германии – «рыночное хозяйство без прилагательного» (**Социальная рыночная экономика, 1996**).

В конце XIX века в США появилось институциональное направление экономической мысли, которое поставило под сомнение священный принцип неоклассической теории - методологический индивидуализм и попыталось дать свое теоретическое объяснение механизмов рыночной экономики и роли в ней государства.

Один из основоположников институционализма Т.Веблен (1857-1929) понимал институты «как установившиеся обычаи мышления, общие для данной общности людей», то есть они рассматривались им главным образом как социально-психологические феномены, лежащие в основе эволюционных механизмов динамики самих институтов и оказывающие социокультурное воздействие на экономическое развитие. (Veblen T., 1889)

Современные («новые») институционалисты дают несколько другое определение институтов. Один из самых известных представителей нового институционализма нобелевский лауреат (1993) Д.Норт считает, что «институты – это правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми... они создают структуру победительных мотивов человеческого взаимодействия, будь-то в политике, социальной сфере, или экономике». (Норт Д., 1997)

Именно трактовка глубинной природы институтов стало водоразделом, который в 60-80-е годы XX века разграничил старый и новый институционализм.

В то время как классики старого институционализма поставили под сомнение индивидуалистическое мировоззрение, свойственное неоклассической парадигме, новые институционалисты индивидуалистический подход не отвергают. Относительно роли и масштаба участия государства в рыночной экономике приверженцы старого институционализма достаточно пессимистично оценивают возможности и последствия саморазвития рынка, если государство отказывается от воздействия на этот процесс.

Институционалисты новой волны, которые придерживаются неоклассической парадигмы и соответственно исходят из приоритета поведения индивидуумов перед институтами, всячески отстаивают тезис о минимизации государственной активности в рыночном хозяйствовании («лучше мериться с ошибками рынка, чем с ошибками государства»). В тоже время институционалисты, находящиеся в интеллектуальной оппозиции к неоклассике, не только признают существенную роль государства в регулировании экономики, но и подчеркивают неизбежность его дальнейшего роста (Дж.Коммонс, Дж.Гэлбрейт, Г.Мюрдаль и др.) вплоть до создания специального государственного органа (У.Митчелл).

В интерпретацию взаимодействия государства и индивидуума значительный вклад внесли теоретические исследования российских ученых Р.С.Гринберга и А.Я.Рубинштейна, предложивших концепцию экономической социодинамики. По их мнению, возросшая роль социального фактора в современной экономике требует осмысли-

вания возможных путей его интеграции в экономическую теорию (Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я., 2000, А.Я.Рубинштейн, 2002, Гринберг Р.С., 2003)

Платформой для исследования ученых послужила общая теория благосостояния, разработанная В.Парето: его система аксиом и принцип оптимума. В соответствии с аксиоматикой Парето каждый человек является наилучшим судьей своего благосостояния (1); благосостояние отдельных людей несопоставимо (2); благосостояние общества определяется в единицах благосостояния отдельных людей (3).

Оптимальным при этом считается такое распределение ресурсов, когда невозможно улучшить чье-либо благосостояние без ущерба для благосостояния другого индивидуума. Содержащиеся в формулировке оптимума требования учета взаимосвязей между субъектами рынка позволило ученым построить схему Парето для более общих условий, когда одним из автономных участников рынка становится государство. Именно в этой связи ими была предложена концепция экономической социодинамики с ее базовой аксиоматикой - постулатами социальной полезности, социальной мотивации и социального иммунитета.

Постулат социальной полезности исходит из предположения, что любое благо может удовлетворять потребности качественно разных участников рыночных отношений, в том числе и потребности общества в целом. В основе социальной полезности всегда лежит несводимая общественная потребность, которая постулируется лишь для совокупности индивидуумов в целом. Именно независимость социальной полезности превращает государство в самостоятельного участника рынка, где одновременно действуют индивидуальные субъекты с присущими им потребностями, и государство с его особым автономным интересом. Причем каждый из них стремится к максимизации собственной функции полезности.

Постулат социальной мотивации предполагает социализацию субъектов рынка и обобщенную трактовку потребностей его участников – носителей обособленных интересов (этот постулат предполагает корректировку первой аксиомы Парето).

Постулат социального иммунитета определяет механизм формирования общественных потребностей и социально экономических целей деятельности государства. Данный постулат устанавливает, что всякое общество обладает иммунитетом, то есть в нем генетически существуют социальные интересы и формируются силы, направленные на самосохранение и развитие общества.

В рыночной модели ученых государство, как субъект рынка, действует как типичная некоммерческая организация, которая не преследует в качестве цели извлечение

прибыли и все имеющиеся средства направляет исключительно на удовлетворение несводимой потребности общества. Основной функцией государства в рыночной деятельности является обмен его налоговых доходов на соответствующие социальные полезности, что, в конечном счете, должно обеспечить социальный и экономический прогресс. Если государство действует в соответствии с принципами рационального поведения, в результате реализации несводимых потребностей общества возникает специфический социальный эффект, который, взаимодействуя с институциональной средой, порождает феномен самовозрастания национального богатства.

Каковым же должно быть рациональное поведение государства? Ученые считают, что, прежде всего, оно должно формировать и использовать свои ресурсы, максимизируя **социальную полезность** через реализацию соответствующих Парето – улучшений, и предлагают ряд принципов рационального поведения государства. Любые действия государства должны быть подчинены принципу соответствия между целями и средствами, необходимыми для их достижения. Нарушение этого принципа приводит к экономическим деформациям. Так, некорректная приватизация в России заставила государство восполнять утраченные доходы посредством избыточного налогового обложения хозяйствующих субъектов. Возникшая диспропорция привела к снижению рыночной активности, сокращению инвестиций, увеличению внутреннего и внешнего долга.

Еще одним принципом рационального поведения государства, исходя из концепции экономической социодинамики, является **«принцип Поланьи»** (по имени известного польского экономиста, который дал развернутое обоснование специфических потребностей общества в отношении использования труда, земли и денег).

Стремясь обеспечить стабильность и безопасность общества, государство устанавливает нормы поведения рыночных субъектов вообще и специальные правила в отношении оплаты труда, земельной ренты и процентной ставки в частности. Механизмы этой политики могут быть разными, например, введение минимальной ставки заработной платы (с целью сохранить или уменьшить разрыв в материальном положении между высокодоходными и низко доходными группами населения), регулированные ставки рефинансирования (если макроэкономическая ситуация требует регулирования денежного обращения с целью снижения уровня инфляции). Главное, чтобы в конечном итоге всем остальным участникам рынка деятельностью государства не был нанесен ущерб и, в конечном результате, наблюдалось Парето-улучшение для всех.

Одним из принципов рационального поведения государства является также патронирование социальной среды. Р.С.Гринберг назвал его **«принцип Баумоля»**. Многие

экономисты принципиально отвергают необходимость государственной поддержки социокультурных отраслей народного хозяйства, предлагая такую последовательность: «сначала экономический рост, а потом удовлетворение иных общественных потребностей».

В контексте экономической социодинамики само понятие экономического роста включает взаимодействие всех субъектов рыночных отношений, направленное на удовлетворение различных потребностей индивидуумов, их групп и общества в целом. Недоучет несводимых потребностей общества вызовет социальное напряжение, подорвет принцип равновесия и остановит, в конечном счете, любой экономический рост.

Серьезные дискуссии среди ученых-экономистов вызывает распределение средств, находящихся в распоряжении общества. Считается, что решения чиновников по распределению «не своих» средств почти всегда приводят к нерациональному их использованию. Поэтому там, где это возможно без ущерба для достижения социальных целей следует максимально отдалить чиновников от «ничьих» ресурсов, введя механизмы рыночных и квазирыночных процедур, предусматривающих участие в распределении общественных средств исключительно индивидуальных субъектов рынка.

Это так, но существует и угроза другого рода: сокращение участия государства и попытки нейтрализации интересов социальных групп посредством рыночных и квазирыночных процедур распределения общественных средств чреват утратой исходной социальной мотивации. В этой связи, в качестве компромиссного социодинамика предлагает еще один принцип рационального поведения государства – **принцип прагматического демократизма**.

Данный принцип определяет зону компромисса и устанавливает некоторое общее правило рационального поведения государства посредством введения определенных регламентаций в деятельность групп, преследующих своекорыстные интересы. В соответствии с этим принципом, любое распределение общественных средств, связанное с реализацией целей, присущих обществу как таковому, должно обслуживаться максимально допустимыми демократическими процедурами.

Это может быть способ выделения бюджетных средств независимым от правительства посредническим организациям (например, Федеральный фонд по поддержке малого предпринимательства или Российский фонд фундаментальных исследований). В этом случае, даже если посреднические организации также имеют свои «специальные» интересы, они значительно сильнее зависят от общественного мнения, чем чиновники государственной власти и, следовательно, потери будут меньше.

Другой компромиссный способ распределения общественных средств – с помощью налогового протекционизма. В этой ситуации государство определяет уже только специальные «правила игры», предоставляя агентам рынка соответствующие налоговые льготы. Отказываясь от части налоговых поступлений, оно фактически распределяет общественные средства, минуя «руки» чиновников.

Авторы согласен с убеждением Р.С.Гринберга в том, что государство должно быть полноценным участником рыночного процесса. Оно должно выступать в нем в роли стратегического координатора деятельности самостоятельных элементов бизнес-системы, поддерживая позитивные структурные экономические преобразования.

При формировании научно-практического подхода к созданию системы бизнес-управления в народно-хозяйственном комплексе страны можно воспользоваться основными положениями методических разработок по индикативному планированию. Как показывает мировая практика, системные модели индикативного планирования в первую очередь предназначены для решения глобальных или хотя бы крупномасштабных региональных задач в условиях децентрализованных рыночных механизмов хозяйствования. В частности, основанная на них технология руководства является эффективным инструментом формирования и управления реализацией многих отраслевых программ развития.

Главная функция индикативных планов состоит в том, чтобы обрисовать допустимый и желательный путь любого хозяйственного развития. Индикаторы плана рассматриваются как целевые прогнозы того, что должно произойти в случае выполнения плановых рекомендаций или в возможном альтернативном случае, а также являются вехами принятия конкретных хозяйственных решений.

Использование индикативного планирования позволяет за счет многоуровневых индикативных показателей ориентировать и стимулировать участников на решение наиболее важных производственных проблем путем поэтапного достижения локальных, промежуточных и конечных целей бизнес-развития. Индикативное планирование как элемент рыночного управления, в виду своей особой специфики, должно:

- включать в свой процесс работы по интегрированию разрабатываемых предпринимательскими структурами различных бизнес-проектов и программ;
- охватывать проблемы по выработке адекватной общенациональным интересам коммерческой финансово-кредитной политики;
- обеспечивать сопряжение целей народно-хозяйственного развития с предпринимательскими средствами их достижения, включая инновационные и инвестиционные процессы;

- осуществлять многоуровневые согласования, мониторинг и контроль над хозяйственным развитием отраслей, территорий и ведущих производств.

В заключении статьи мы попытаемся определить стратегическое направление развития народно-хозяйственного комплекса России, исходя из теории долгосрочного технико-экономического развития (С.Ю.Глазьев, 1998).

Исходя из характеристики предложенных С.Ю.Глазьевым технологических укладов, в настоящее время в экономически развитых странах начинает доминировать пятый технологический уклад, который продлится до 30-40 годов XX века. Отличительными особенностями этого уклада по сравнению с предшествующими являются: индивидуализация производства и потребления, повышение гибкости производства, дезурбанизация на основе телекоммуникационных технологий, преодоление экологических ограничений по энерго- и материалопотреблению на основе АСУ. Ядром пятого технологического уклада будет являться развитие электронной промышленности, вычислительной, оптико-волоконной техники, программного обеспечения, телекоммуникаций, роботостроения, производства и переработки газа, информационные услуги, а ключевыми конкурентно определяющими факторами станут микроэлектронные компоненты, биотехнологии, космическая техника, тонкая химия.

Институциональной основой этого технологического уклада в странах-лидерах должно стать государственное регулирование стратегических видов информационной и коммуникационной инфраструктур, изменения в регулировании финансовых институтов и рынков капитала при снижении роли государства в экономике. Не исключена возможность появления партисипативного централизованного государства. В международном плане данный уклад будет характеризоваться полицентричностью мировой экономической системы, становлением институтов глобального регулирования экономической активности. В этой связи ожидается международная интеграция мелких и средних фирм на основе информационных технологий при их высокой инновационной активности. Это может быть достигнуто путем горизонтальной интеграции НИОКР, проектирования производства и обучения, развития вычислительных сетей и совместных исследований, государственной поддержке новых технологий и университетско-промышленном сотрудничестве.

Исходя из перспектив развития пятого технологического уклада, уже сейчас формирующегося в экономически развитых странах, претендующих на мировое лидерство, Россия, чтобы не остаться на задворках истории, должна резко изменить свою стратегию дальнейшего развития экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев С.Ю. Геноцид. – М.: ТЕРРА, 1998. - 320 с.
2. Гринберг Р.С. Рациональное поведение государства. – М.: ИСЭ ПРЕСС, 2003 – 244 с.
3. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. – М. ИСЭ, 2000
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. – 352 с.
5. Львов Д.С., Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем. М.: Наука, 1992
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
7. Рубинштейн А.Я. Структура и эволюция социального интереса. – М.: ИСЭ-ПРЕСС, 2002, - 260 с.
8. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.
9. Социальная рыночная экономика в Германии и рыночная трансформация в России. Кельн-Москва, 1996.